

Ксюша Иванова

**ИЗМЕНУ ГОРДЫМ
НЕ ПРОЩАЮТ**

Эротика

УДК 82-993
ББК 84-4
И17

Иванова К.
И17 Измену гордым не прощают: Эротика / Ксюша Иванова – М.: Литнет, 2025.
– 246 с.

ISBN 978-5-521-89894-7

Дани – гордая. А гордые женщины, узнав об измене любимого мужа, не устраивают скандал, не выясняют отношений и не рыдают над портретом изменщика! Гордые быстро и решительно собирают вещи и уходят, оставив записку: «Гордей, я тебя больше не люблю. Не ищи меня». А еще гордые никогда не подают на алименты, не молчат в трубку, не ищут встреч, не... Гордые женщины измен не прощают!

Гордей – гордый. А гордые мужчины легко вычеркивают из своей меганасыщенной жизни предательницу. Нет, ну, а почему она вдруг ушла? Разве я ее не любил? Разве на руках не носил? Разве не женился? Что еще нужно было? Я для нее всё! А она: «Не ищи меня!» А я и не собирался! Гордые мужчины предательниц не прощают!

И только любовь прощает всё...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-89894-7

© Литнет, 2025
© К. Иванова, 2025

1 глава. Ламинат

*А-ай, крик между ребрами сжат,
И нам не встретиться...
В рай, не полетела душа.
Больше не светится.
Ад. Что же мы сделали шаг
В разные стороны.
Над мертвой любовью кружат
Черные вороны...*

(НЮ «Вороны»)

Пятый час идет обсуждение рекламного слогана для ламината от «Август-групп». Литры кофе выпиты. Мир задымил весь офис, и теперь, когда он в очередной раз достает свою сигару, Француз, как сидящий ближе всех, замахивается на него куском ламината, принесенного заказчиком не иначе как для нашего вдохновения. Мир, недовольно скривившись, прячет сигару в широкий карман очередной своей рубахи а-ля брутальный русский мужик. Вздыхает и выдает:

– Идея такая: три мужика с косами. Такими ручным, старинными. Перепоясаны кушаками, в русских рубахах. Синхронно косят траву. Вместо травы – кусочки нашего ламината. В смысле, не нашего, – стреляет глазами в пол. – А от «Август-групп», естественно!

– Слоган: «Коси, коса, пока роса?» – скептически кривится Француз.

– Примитивный ты, Леон, как французская устрица! Слоган: «Большой урожай низких цен»! Ну! Урожай-косить-мужик... Улавливаешь гениальную мысль? Можно еще поиграть со слова-

ми «Август», «август-групп», «урожай в августе», – Мир быстро зарисовывает все сказанное на одном из своих неизменных белоснежных листов таким же неизменно остро заточенным простым карандашом.

– Где она? – глубокомысленно изрекает Леон.

– Кто «она»? – спрашиваю, не успев уловить его посыл.

– Связь между ламинатом и урожаем!

Никита, явно не услышав последние наши фразы, выдвигает свое (очередное бредовое) предложение:

– Давай, лучше не мужики, а девушки с косами? С косами, в смысле, на голове! На кустах смородины вместо ягод растут кусочки ламината... Они собирают в корзинки...

– Ой, бре-е-ед! – Француз стыдливо закрывает куском рекламируемого продукта лицо, рукой взъерошивает свои, уже давно растрепанные от тяжелого мыслительного процесса, волосы. – Ну, та-а-акого бреда я еще не слышал! Никитосу хоть куда-нибудь бы бабу приткнуть! Не может он без женщин! Слышь, Гордый? Может, хоть уборщицу возьмем? Ту, что тебе Мир на прошлой неделе сватал? Как ее там – бабу Валю? А то Никите без женского внимания грустно!

Да. У меня с некоторых пор пунктик. Никаких баб в агентстве! Даже секретарь – парень. Даже уборку делает знакомый старичок. Потому что бабы – подлые, нелогичные, жестокие. С ними невозможно договориться! С нею... точно было невозможно.

Как замороженный слежу за кончиком карандаша Мирослава, который быстро-быстро штрихует тени от изображаемых им косарей. Но не вижу рисунка. А вижу ЕЕ портрет. Тот самый, что Мир подарил нам в день свадьбы.

Пока все пили за праздничным столом, он рисовал Дани. И сумел передать не только ее потрясающую красоту, но и чувства... те, которые она тогда ко мне испытывала – взгляд полный обожания, восторга, нежности... Точнее те чувства, которые, как я считал,

она ко мне испытывала. Она была тогда такой красивой, такой восхитительно утонченной... самой лучшей... И я был счастлив безумно, невозможно, как, никогда в своей жизни ни до, ни после...

Сердце болезненно и привычно сжимается. Блядь! Обещал же себе держать в руках эту невероятную тоску и не давать ей возможности вырваться наружу!

Сосредотачиваюсь на долбанном ламинате, силой воли давя в себе память о своей жене... И идея приходит в голову как всегда неожиданно.

– Если тебя бросила жена, смени пол... – изрекаю я многозначительно.

Краем глаза замечаю, как переглядываются, обмениваясь понимающими улыбками, Мир и Француз. И добавляю:

– А заодно окна, потолок и входную дверь!

– Это лишнее, – Никита записывает мой вариант и, похоже, не вникает в иронию остальных. – Нас не уполномочивали рекламировать двери и окна!

– А реклама ЛГБТ вообще законом запрещена! – смеётся Мир.

– И где тут реклама ЛГБТ? – вызываюсь я.

– «Пол смени» – Ника вдруг осеняет многозначительность фразы.

– Ну, так-то неплохо, – соглашается Леон. – Единственное, я бы не стал картинку со страдающим по ушедшей жене мужиком клеить. Просто слова на темном фоне. И, конечно, ламинат на полу вокруг. Всё. Лаконично и стильно.

2 глава. Ненавижу и люблю

– Ни за что на свете! Ни за что! Я лучше уволюсь! Или как там эта процедура называется? Уйду из нашего бизнеса!

Бегаю по палате от окна к двери, цепляясь каблуками за кусок линолеума, оторвавшегося возле кровати Айнура, и рискуя, как и он, навернуться и сломать себе что-нибудь.

– Не уволишься, – морщась, бросает он.

– Тогда! Тогда я...

Что бы такого придумать? Что?

– Я с тобой разговаривать не буду! Знать тебя не хочу! Ты же знаешь, что я видеть его не могу! Ты знаешь, что он со мной сделал и все равно решил его нанять, именно с его агентством заключил договор! Ты – такой же предатель, как и он!

– Ну, во-первых, – меланхолично начинает он. – Ничего я не знаю. Ты ничего, кроме того, что Трофимов – предатель, никогда не говорила. Во-вторых, я же не думал, что сломаю руку! Ты бы и не узнала ничего! Я сам бы всё решил, без твоего участия! Мы оба с тобой знаем, что «Лаборатория рекламы» Трофимова – лучшая в своем сегменте! И нам сейчас, на нашем этапе, нужны именно они! Знаешь ли, не каждый день маленькие кофейни, типа нашей с тобой, открывают филиалы и становятся сетью! Ну, и они нам скидку сделают...

– Скидку? – свирепею я. – Значит, ты, как обычно, чисто в целях экономии, запросто предал и меня, и своего племянника?

– Вот давай не будем, а? – морщится Айнур. – Ты знаешь, что именно я думаю по поводу Эмиля! Ты не имеешь права скрывать его от отца! Да элементарно! Одна случайная встреча – и Гордей сразу поймет, чей он сын! Вы же в одном городе живете!

– Но пока даже я с ним ни разу не встретилась! За три года ни разу! А потом, когда в Новгороде филиал откроем, как соби-
рались, я туда уеду с мамой и Эми!

– Нам пока с этим филиалом разобратся нужно...

Это точно.

– Мне кажется, нам нужно немного отложить открытие! – жалобно говорю ему, присаживаясь на кровать рядом. – Я одна не потяну! Ты – мастер, ты – главный, я – просто помощница, исполнитель! Там еще конь не валялся – персонал не отобран, меню толком не составлено, ремонт не доделан! Там кредит в процессе оформления! И еще реклама! Нет-нет-нет! Я не могу! Я не хочу...

– Дани! Еще вчера всё это тебе даже нравилось! И ты была готова горы свернуть! – Айнур взмахивает гипсом, кривится от боли и, прошипев сквозь стиснутые зубы пару ругательств, продолжает. – Ну, хочешь, я договорюсь, чтобы с тобой работал кто-то дру-
гой из команды, не Гордый?

Хочу-хочу-хочу! Но это невозможно совершенно. Я знаю весь уклад их агентства – именно там я с бывшим мужем познакомилась, именно там начиналась моя карьера... Они всегда принимают решения вчетвером, придумывают вчетвером. Гордей все равно узнает, кто заказчик. И сделает все, чтобы помучить меня побольше!

Останавливаюсь у окна. Смотрю невидящими глазами на то, как ветер гнет тонкие, едва тронутые зеленью, ветви берез в парке через дорогу, как несет по небу тяжелые темные тучи. Жанна, моя подруга, секретарь Айнура, часто говорит, что время лечит. Но вот не лечит оно нифига! Меня во всяком случае не лечит абсолютно. Мне все также больно.

Прислоняюсь лбом к оконному стеклу. Оно холодное. Лоб горячий. Простудилась я, что ли? Или это меня от воспоминаний так трясет?

Гордей... Как же мне тебя не хватает.

Ненавижу тебя!

Скучаю.

Презираю!

Люблю.

Видеть не желаю!

Но забыть, забыть не могу!

Как забудешь, если я ушла от тебя не с пустыми руками? И по вечерам кто-то очень на тебя похожий каждым движением, каждым взглядом, взмахом длинных ресниц... о тебе...

На мгновение зажимаюсь. И в памяти возникает так ясно, как будто это вчера случилось:

... – Трофимова! Как звучит здорово! Не то, что какая-то там Рахимджанова! Конечно, она возьмет фамилию своего мужа! Слушай, Айнур, я не знаю, какие там порядки у вас на Родине, но у нас давно заведено – как мужчина скажет, так женщина и сделает! И, вообще...

Комкаю альбомный лист с неудавшимся рисунком и со своего кресла метко запускаю его Гордею в плечо. Удивленно оборачивается. Озадаченно ерошит модную стрижку, прикрывая ладонью телефон.

– Че за бунт на корабле? Видишь, я свидетеля уговариваю!

– Я еще не дала согласия на смену фамилии! И отцу обещала, что оставлю свою! И разве брат невесты может быть свидетелем на свадьбе?

– Айнур, я перезвоню. Во сколько? Да минут через пять перезвоню. Мне тут надо... Надо кое-что в общем.

Бросает телефон в кресло. А через пару секунд бросает на стоящий рядом диван меня. Придавливает собой так, что мне вроде бы и не тяжело, но в то же время пошевелиться невозможно совершенно. Рука каким-то непостижимым образом оказывает под бюстгалтером и накрывает грудь. Сосок чувствительно утыкается в горячую ладонь.

Кусает за нижнюю губу. За подбородок. За шею. За кромку уха.

– Ай-я-яй! – пишу, пытаюсь вывернуться.

– Ты моя? Отвечай немедленно! – рука, пощипав сосок, пощекотав ребра, вырывая из меня судорожный смех и заставляя брыкаться из всех сил, легко проникает под резинку домашних лосин и нащупывает перешеек трусиков.

– Нет-нет-нет! – тело само, непроизвольно выгибается навстречу этим наглым рукам. И я скорее именно его уговариваю, чем Гордого.

– Не-е-ет? Не моя?

– Твоя-твоя-твоя! Чья же еще? Конечно, тво-о-оя! – подушечки начинают мягко массировать самые чувствительные точки.

Убрав руку, через одежду толкается внушительной выпуклостью, шатром приподнимающей тонкую ткань спортивных домашних штанов мне между ног. И я дрожу. Глаза закатываются.

И очень скоро я забываю о том, что он там мне хотел доказать, о чем мы спорили. Только Гордей не забывает.

Он хорошо меня чувствует. Он знает, как именно я люблю. От чего улетаю. Нежный долгий секс. Его жаркий шёпот. Особенно когда на ухо произносит, что любит... И потом, когда я подхожу к пику – сильные мощные даже толчки...

И специально замедляется во мне, когда я буквально повисаю на самом пике.

Извиваюсь под ним, мало понимая, где я и что он от меня хочет...

– Ты моя?

– О-о!

Пара быстрых толчков, мучительный стон мне в ухо.

– Словами, Дани! Ты моя?

– Да-а-а...

Ногтями впиваюсь в его ягодицы, подстраиваясь под толчки, пытаюсь заставить его ускориться.

– Выйдешь за меня замуж? – хрипит, чувствительно кусая за шею.

Тут я даже не сомневаюсь:

– Да-а-а...

И тут же, без передышки:

– Возьмёшь мою фамилию? – и снова останавливается, едва покачиваясь во мне.

И я в порыве чувств, с затуманенным страстью мозгом тяну его на себя, тянусь к губам, извиваюсь...

– Только после «да-а-а»! – сдавленно смеётся он.

И я сдаюсь...

– Да-да-да...

... – Смотри! Ты пообещала...